

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ «ТЕНЕВИЗАЦИИ» МАЛОГО БИЗНЕСА РОССИИ

Н.В. АРТЕМЬЕВ,

кандидат экономических наук, доцент,
докторант Академии управления МВД России, г. Москва, Россия,
e-mail: nikvalart@rambler.ru;

Ю.В. ЛАТОВ,

доктор социологических наук,
кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник научного центра
Академии управления МВД России,
e-mail: latov@mail.ru

С позиций институциональной теории транзакционных издержек и отдельных положений экономической теории преступлений и наказаний анализируются причины широкого развития теневой экономической деятельности в сфере малого и среднего предпринимательства России. Приводится развернутая типология легальных издержек и издержек внелегальности, при этом все издержки анализируются с точки зрения наличия «тенеобразующего» эффекта. Обосновывается объективное существование в бизнесе оптимальной степени легальности, которая может меняться в зависимости от изменения условий функционирования. На основе полученных авторами эмпирических данных подтверждается гипотеза о стабильном существовании в нашей стране «тенеобразующих» условий деятельности малого бизнеса. Доказывается, что в деятельности малого и среднего предпринимательства в России теневая составляющая весьма значительна. Сформулированы приоритетные направления противодействия криминализации предпринимательства в малом бизнесе.

Ключевые слова: малый бизнес; малое и среднее предпринимательство; теневая экономика; транзакционные издержки; теневые доходы; коррупция; налоги.

INSTITUTIONAL AND ECONOMIC CIRCUMSTANCES SQUEEZING SMALL BUSINESS OUT OF RUSSIA'S FORMAL ECONOMY

N.V. ARTEMYEV,

Candidate of Economics (PhD),
Associate Professor and Post-Doctoral Fellow of the Academy of Management of the Russian
Interior Ministry, Moscow, Russia,
e-mail: nikvalart@rambler.ru;

Y.V. LATOV,

Doctor of Sociology (DSc), Candidate of Economics (PhD),
Associate Professor and Leading Researcher of the Research Center of the Academy of
Management of the Russian-Interior-Ministry,
e-mail: latov@mail.ru

The authors use the theory of transaction costs and parts of the economic theory of crime and punishment to gain an insight into why small and medium-scale business in Russia tends to operate outside the formal sector of the country's economy. A detailed classification of legitimate and illegitimate costs is given, assessing each legitimate cost as a cost to be shaken-off by going into the shadow economy. It is argued that each business possesses an innate ability to find its optimum degree of legitimacy, which depends on its institutional and economic circumstances. The authors treat the existence of this ability as an objective economic law. The empirical data support the view that Russia's institutional and economic environment stays unchanged in that it pushes small business activity into the informal sector. The data presented also illustrate the vast scope of informal small and medium-scale business activity in Russia. The authors propose a set of priority measures to combat economic crime in the small business sector.

Keywords: *small business; small and medium enterprises; underground economy; transaction costs; shadow income; corruption; taxes.*

JEL classifications: *M21, O17.*

Субъекты малого бизнеса¹ представляют собой хозяйственные единицы, участвующие в экономической жизни и характеризующиеся высоким уровнем теневой (нелегальной) деятельности. Авторы статьи попытаются объяснить, почему в сфере малого бизнеса *должен быть* высокий уровень криминализации («теневизации»), а также привести доказательства того, что этот уровень *действительно является* высоким.

Обоснование широких масштабов теневой деятельности малого предпринимательства можно дать с позиций обеих основных направлений современной экономической теории – как с позиций неоклассической теории (на основе микроэкономической модели поведения правонарушителя в рамках экономической теории преступлений и наказаний), так и с позиций неоинституциональной теории (на основе концепции трансакционных издержек). Второй подход представляется более плодотворным, поскольку помогает перейти от тривиальной бинарности «легальное – нелегальное» к более плодотворному поиску оптимального уровня легальности.

Обоснование причин «теневизации» малого бизнеса на основе неоклассической теории.

Применение модели рационального выбора налогоплательщика, разработанной в 1972 г. американскими экономистами-криминологами М. Аллингамом и А. Сандмо (*Вишневский, 2004; Allingham and Sandmo, 1991*), позволяет найти количественную зависимость между нелегальным доходом малого предпринимателя и возможным размером штрафных потерь, объясняющую сам факт существования «тени» (уклонения производителей обычных товаров от налогов вплоть до полного их перехода в неформальный сектор). Согласно этой модели, решение об уклонении или уплате налога налогоплательщик принимает под влиянием таких факторов, как ставка налога, вероятность обнаружения факта уклонения и размер штрафных санкций. Модель Аллингама-Сандмо основана на формуле Г. Беккера (*Беккер, 2000*), которая описывает универсальные закономерности всех видов корыстной преступности.

Применительно к уклонению от налогов перед субъектом малого бизнеса стоит альтернатива: платить налог, снижая свои доходы, или уклоняться от уплаты, рискуя получить тяжелое наказание. Если обозначить как p выраженную десятичной дробью вероятность разоблачения налогового преступления с последующим наказанием за это, то с вероятностью $(1 - p)$ налогоплательщик сэкономит положенный налог, а с вероятностью p будет оштрафован на сумму n (или приговорен к иному наказанию, которое нанесет ему ущерб в n).

Зависимость чистого дохода потенциального правонарушителя от основных детерминирующих факторов, согласно модели Аллингама-Сандмо, можно изобразить в виде простой формулы:

¹ К субъектам малого бизнеса официально относят малые и средние предприятия согласно критериям, установленным Федеральным законом Российской Федерации от 24.07.07. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Наиболее важным из этих критериев является численность занятых: средняя численность работников должна находиться в интервале 100–250 человек для средних предприятий и 0–100 человек для малых предприятий.

$R = (1 - p) \times \theta + p \times (\theta - n) = \theta - p \times n$, где:

R – чистый доход (return) уклоняющегося от налогов субъекта;

p – вероятность (probability), что он будет пойман и наказан;

θ – величина «сэкономленного» налога;

n – денежная величина потерь нарушителя, которые он понесет в результате наказания.

Если чистый доход (R) уклоняющегося от налогов предпринимателя будет положителен, то любой рациональный индивид будет стараться уклоняться (издержки «угрызений совести» при этом не принимаются во внимание). Напротив, если «преступление не окупается» (чистый доход нарушителя отрицателен), то по рациональным соображениям большинство граждан (люди с рациональным поведением и, как правило, не склонные к риску) предпочтут честно заплатить налоги.

Основываясь на модели Аллингама-Сандмо, можно утверждать, что сфера малого бизнеса объективно должна характеризоваться более высоким уровнем экономической преступности, чем другие сферы хозяйственной деятельности. Этому есть ряд объективных причин.

Во-первых, актор малого бизнеса обладает более сильными стимулами к максимизации прибыли в силу тождественности в малом бизнесе предпринимателя и собственника. Менеджеру корпорации скрывать доходы гораздо менее выгодно, поскольку дополнительная выгода в значительной степени будет присвоена не им, а собственниками-акционерами. Этот фактор положительно влияет на параметр θ – величину «экономии» от неуплаты налога или от применения еще каких-либо теневых механизмов (например, найма нелегальных мигрантов). Данный фактор является универсальным, он действует во всех странах мира. Поэтому малый бизнес даже в самых развитых странах рассматривают как сферу экономики с повышенным уровнем криминализации (нередко даже ставят знак равенства между понятиями «малый бизнес» и «неформальный сектор экономики»).

Во-вторых, в сфере малого бизнеса трудно организовывать контроль в силу многочисленности малых предприятий. При строгом контроле всех акторов малого бизнеса издержки контроля превысят выгоды от него, поэтому строгость контроля объективно должна быть пропорциональной размеру бизнеса. Этот фактор работает на понижение параметра p – вероятности, что нарушитель будет пойман и наказан. Данный фактор тоже универсален и действует в странах мира с любыми национальными моделями экономики.

В-третьих, у российских предпринимателей, как нередко утверждают, есть сильные стимулы к уклонению от налогов и использованию иных нелегальных практик в силу высоких налогов (и высокого уровня регулирования вообще). Этот фактор тоже увеличивает в формуле Аллингама-Сандмо параметр θ – величину «сэкономленного» налога. Действие этого фактора сильно дифференцировано: оно сильнее в странах с высоким уровнем налогообложения и регулирования малого бизнеса и слабее в тех странах, где государство не стремится акторов малого бизнеса «доить» и «водить строем».

В-четвертых, как утверждают многие исследователи, в странах догоняющего развития наблюдается высокое коррупционное давление на акторов малого бизнеса, вынуждающее их к поиску теневых доходов. Этот фактор оказывает противоречивое влияние, поскольку работает одновременно на снижение параметра θ и снижение p : актор малого бизнеса может «купить» снижение «строгости» контроля, если значительную долю своих доходов будет отдавать вымогателям из различных проверяющих/контролирующих инстанций. В целом в условиях высокой коррупции влияние снижения вероятности наказания, скорее всего, перевешивает влияние снижения личного дохода предпринимателя.

Модель Аллингама-Сандмо предполагает, что у актора малого бизнеса есть дуальный выбор – либо он занимается бизнесом полностью легально (при $R < 0$), либо он полностью уходит в «нелегалы» (при $R > 0$). В реальной жизни, как давно было замечено, мелкие фирмы очень часто используют смешанную стратегию уклонения – например, скрывают от налогов не все, а только часть своих доходов, или не уклоняются от налогов, но уклоняются от выполнения каких-либо мер контроля (например, от заключения предписанных законом контрактов с наемными работниками).

Для анализа такой «полу-легальности» можно, конечно, использовать более сложные, чем у М. Аллингама и А. Сандмо, разновидности формулы Г. Беккера, включающие возможность сочетания легальной и нелегальной деятельности. Однако более результативным представляется использовать для понимания частичной легальности малого бизнеса неинституциональный подход,

который акцентирует внимание на зависимости от уровня легальности трансакционных издержек предпринимателей.

Обоснование причин «теневизации» малого бизнеса на основе неинституциональной теории. Согласно неинституциональной теории, основоположником которой является Р. Коуз (Коуз, 2001), все предпринимательские расходы делятся на трансформационные издержки (расходы на изменение физических свойств предметов труда) и трансакционные издержки (расходы на изменение социальных свойств предметов труда – т. е. на соглашения о передаче прав собственности). Чтобы понять широту распространения «нелегальности» и «полу-легальности» в малом бизнесе, необходимо выделить те расходы, которые зависят от легального статуса бизнес-предприятия – издержки легальности (органически связанные с легальной деятельностью) и издержки нелегальности (органически связанные с нелегальным функционированием бизнес-единицы).

Согласно широко известной концепции Э. де Сото (*De Soto, 1995*), выбор фирмой легального или нелегального режима бизнес-деятельности зависит от соотношений издержек этих режимов хозяйствования. Фирма будет вести легальную деятельность, если издержки нелегальности превышают издержки легальности, и, напротив, станет «уходить в тень», если издержки нелегальности будут ниже издержек легальности. Речь идет обо всех издержках (трансформационных и трансакционных), которые связаны с легальностью бизнес-предприятия.

У этого общеизвестного подхода есть один недостаток: легальность трактуется как дискретное состояние – она либо есть, либо ее нет. В реальной же жизни между абсолютно легальным и абсолютно нелегальным предпринимательством есть огромный спектр промежуточных состояний.

Если типологизировать издержки бизнеса по их зависимости от степени легальности бизнеса, то можно выделить три их разновидности (рис. 1):

- 1) издержки, растущие по мере роста легальности бизнеса (в частности, расходы на налоги);
- 2) универсальные издержки, никак не зависящие от легальности (например, большинство расходов на сырье);
- 3) издержки, снижающиеся по мере роста легальности бизнеса (например, плата за кредит).

Рис. 1. Типология бизнес-издержек в зависимости от легальности предпринимательской деятельности

Предприниматель для минимизации своих расходов будет заинтересован полностью или частично уходить в «тень», если в его сфере деятельности относительно высока роль издержек первого типа и относительно низка роль издержек третьего типа.

К издержкам, растущим по мере легальности бизнеса, можно отнести, как предлагал в «Ином пути» Э. де Сото (Де Сото, 1995. С. 178):

- 1) издержки первичного доступа к бизнес-деятельности (регистрационные расходы),
- 2) издержки продолжения бизнес-деятельности – это:
 - налоги,
 - расходы, связанные с регулярными проверками (не только налоговой инспекцией),
 - социальные платежи,
 - заработная плата работникам (особенно, малоквалифицированным).

Издержки первичного доступа – расходы на первичную «прописку» – будут тем менее значимы, чем более крупным капиталом (не только денежным, но и социальным) обладает начинающий предприниматель. В российских условиях обладатель больших денег и «нужных» социальных связей может быстро получить разрешение создать бизнес-предприятие, его регистрационные расходы будут пренебрежимо малы (в сравнении с имеющимся денежным капиталом). Наоборот, мелкий предприниматель принципиально не может иметь ни больших денег, ни связей с «большими людьми». Для него легальная регистрация будет длиться дольше и потребует гораздо более высокой доли наличных денег, даже если сами регистрационные платежи выражены для него в той же сумме денег, что и для крупного предпринимателя. Первичная «прописка» в теневом секторе экономики тоже потребует определенных расходов (взноса в какой-либо «общак»), но, скорее всего, такая «прописка» пройдет быстрее и обойдется дешевле. Следовательно, издержки первичного доступа определенно создают в сфере малого бизнеса криминализирующий эффект – как в исследованном Э. де Сото в 1980-е гг. Перу, так и в современной России.

Издержки продолжения бизнес-деятельности (расходы, связанные с регулярной бизнес-деятельностью) будут для малого и крупного бизнеса разными, однако здесь оценка будет более трудной. Это связано, в частности, с тем, что государство понимает необходимость соразмерять «давление на бизнес» с масштабами бизнеса и сознательно создает в сфере малого бизнеса более щадящие условия (налоговые каникулы, более низкие налоговые ставки, более редкие проверки и т.д.). Весь вопрос в том, удастся ли в современной России компенсировать малоресурсность малого бизнеса снижением издержек налогов и государственного мониторинга. В литературе можно встретить много свидетельств того, что налоговое и «проверочное» бремя для малых предприятий реально вряд ли слабее, чем для крупных фирм (Авдийский, Дадалко, 2012; Буров, не датировано; Майбуров, Киреенко, Иванов, 2013). Зато по поводу роли расходов на оплату труда и социальные платежи можно не сомневаться: российский малый бизнес более трудоемок, чем крупный, поэтому для него возможность экономить на оплате работников играет более важную роль, чем для крупного бизнеса. Следовательно, издержки продолжения бизнес-деятельности создают в современной России криминализирующий эффект по крайней мере по расходам на оплату работников.

К издержкам, снижающимся по мере роста легальности бизнеса, можно отнести в первую очередь следующие расходы:

- постоянные коррупционные расходы, связанные со снижением риска наказаний за нелегальность (издержки уклонения от наказаний, по Э. де Сото);
- потенциально возможные издержки наказаний при обнаружении нелегальной деятельности (вероятностные издержки);
- платежи за кредит (кредитные издержки);
- расходы на частные системы защиты прав собственности.

Издержки уклонения от наказаний предполагают различные формы нелегального взаимодействия с государственными и иными структурами. Они представляют собой некоторым образом альтернативное налогообложение. Вступление в сговор с коррумпированными чиновниками (или с какой-то иной «крышей») предполагает возникновение возмездных отношений фиксированного размера (деньги, предоставление материальных услуг и т.д.) или в процентах от величины оборота (или прибыли) предприятия. В обмен на эти платежи «крыша» помогает снижать риск обнаруже-

ния нелегальной деятельности, хотя, конечно, полностью исключить эти риски невозможно. Эти издержки у малых предприятий, скорее всего, относительно ниже, чем у более крупных, поскольку в малом бизнесе труднее фиксировать денежные потоки и потому легче снижать платежи «альтернативным налоговикам».

Вероятностные издержки внелегальности возникают при реализации рисков выявления внелегальности. Даже самая отлаженная и хорошо организованная теневая схема не гарантирует абсолютной защиты от ее выявления, хотя массовый характер теневой деятельности и относительно небольшое число уголовных дел, возбужденных по коррупционным составам преступлений, отражает слабую активность правоохранительных органов в данном направлении. Кроме этого сама вероятность проверки невелика и объясняется либо формальным отсутствием предприятия, либо безупречным выполнением легальной части бухгалтерской отчетности². Жесткость карательных мер нивелируется низкой степенью вероятности обнаружения незаконной хозяйственной деятельности. В целом эти издержки для малого бизнеса, видимо, в современной России выше, чем для крупного бизнеса. Есть много сообщений, что главной жертвой «борцов с нелегальностью» оказываются именно мелкие предприниматели, в то время как «акулы бизнеса» попадают под следствие и, тем более, в тюрьму гораздо реже (Иванов, 2011; Вербицкий, 2013).

Кредитные издержки связаны с тем, что чем менее легален бизнес, тем сложнее для него доступ к рыночным кредитным ресурсам. У предпринимателей без кредитной истории и без бизнес-документации остаются две основные возможности финансирования бизнеса из внешних источников – это потребительские кредиты и услуги ростовщиков. Цена финансовых ресурсов, получаемых подобным образом, отличается от средних ставок кредитов для малого бизнеса на десятки процентов. Однако для малого бизнеса эта проблема менее важна, чем для крупного, поскольку потребность в кредите растет пропорционально масштабам предприятия (мелкий предприниматель в принципе может обходиться личными накоплениями, крупный – категорически не может).

Расходы на частные системы защиты прав собственности (телохранители, частные детективы, охранная сигнализация и т. д.) наблюдаются не только в бизнесе. Однако если для легальных акторов все эти меры являются дополнением к общественной системе защиты прав собственности, то чем менее предприниматель легален, тем менее он может положиться на государственные правоохранительные службы и тем значительнее он вынужден делать расходы на частную защиту. Однако в малом бизнесе эти расходы не так важны: мелкий предприниматель не слишком выделяется среди обычных граждан, поэтому ему обычно не нужны и специальные средства защиты.

Итак, можно сделать вывод, что среди издержек, снижающихся по мере роста легальности бизнеса, повышенной (в сравнении с крупным бизнесом) «теневизации» малого бизнеса препятствуют, видимо, только вероятностные издержки. Все другие издержки данного типа для малого бизнеса менее важны, чем для крупного, а потому они генерируют криминализирующий эффект.

Рассмотренные три вида издержек влияют на выбор актором бизнеса оптимального уровня легальности, как это показано на рис. 2.

Первая группа, представленная на рисунке горизонтальной линией **A**, объединяет издержки не подверженные непосредственной зависимости от степени легализации деятельности. Вторая группа издержек, представленная нисходящей кривой **B**, имеет устойчивую тенденцию к снижению по мере увеличения легального присутствия фирмы на рынке. Наконец, третья группа издержек, величина которых имеет прямую зависимость от степени легальности деятельности, изображена кривой **C**. U-образная кривая общих издержек **D** показывает, что в реальной экономической деятельности в конкретный период времени существует некий относительно стабильный оптимальный уровень легализации, характеризующийся минимальной величиной общих издержек бизнес-деятельности (*C_{min MB}*). При изменении внешних условий функционирования бизнеса будет происходить изменение оптимальной степени легальности бизнес-деятельности, которое графически будет отображаться перемещением значения *Lopt MB* по оси абсцисс.

² Ст. 7. Федерального закона РФ от 24.07.07. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в качестве мер реализации политики в области развития МСП предусматривает для субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих отдельные виды деятельности упрощенную систему ведения бухгалтерской отчетности, специальные налоговые режимы, упрощенный порядок составления статистической отчетности.

Исходя из ранее изложенных соображений о значении разных издержек для малого и крупного бизнеса, можно утверждать, что для крупного бизнеса линии **С** и **В** будут сдвинуты правее, чем для малого бизнеса. На рис. 2 линии издержек для крупного бизнеса изображены пунктиром. Оптимальная степень легализации крупного бизнеса $L_{opt} KB$, характеризующаяся минимальными совокупными издержками $C_{min} KB$, будет достигаться при более высоком уровне легальности, чем для малого бизнеса.

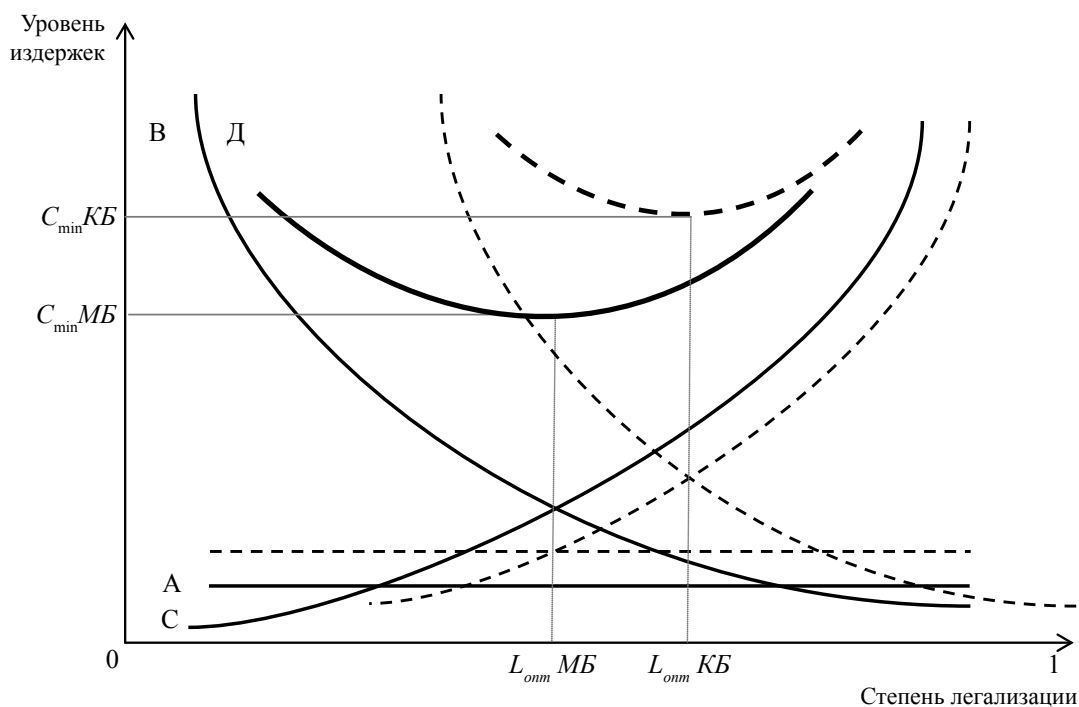

Рис. 2. Модель оптимизации степени легализации бизнес-деятельности

Реальные масштабы криминализации малого бизнеса. В качестве доказательства того, что реальные условия деятельности акторов малого бизнеса в России на самом деле характеризуются высокой «теневизацией», сошлемся на результаты анонимных социологических опросов, проведенных авторами данной статьи в 2013 г. среди акторов малого бизнеса (количество респондентов составляло 839 человек) в ряде городов России³.

На анкетный вопрос «Какова, по Вашему мнению, основная причина совершения теневых операций?» (было возможно дать сразу несколько вариантов ответа) суждения респондентов распределились, как показано в табл. 1. Наиболее часто в ответах фигурируют и «высокие налоги» (на это указали более 3/5 всех респондентов), и различные виды коррупционных платежей («откаты» за контракты, «платежи» чиновникам и др.). Можно сделать вывод, что мнения экономистов и криминологов о высокой детерминации теневых отношений в малом бизнесе соответствует мнению самих акторов малого бизнеса.

Так как в малом бизнесе высок уровень латентности экономических правонарушений, то главным способом выявления реальных масштабов латентных экономических преступлений в малом бизнесе становится анализ результатов проведенных опросов или проверок по репрезентативной выборке. Такие исследования должны проводиться в режиме мониторинга как по России в целом, так и по отдельным регионам, для развития которых малый бизнес имеет существенное значение. Поскольку, однако, такого мониторинга пока еще не создано, авторы данной статьи будут использовать результаты опроса, который они организовали и провели на основе разнообразных личных контактов.

³ Результаты данного опроса предлагается считать условно репрезентативными, поскольку в опросе оказались представлены все основные федеральные округа Российской Федерации. Объектами опроса являлись акторы (предприниматели-собственники, реже менеджеры) как малого, так и среднего бизнеса, но в общем массиве абсолютно преобладали представители именно малого бизнеса.

Таблица 1

Мнения акторов малого и среднего бизнеса о причине распространённости в их среде теневых экономических отношений

Причины распространённости теневых отношений	% от общего числа респондентов
высокие налоги	62,1
необходимость «откатов» за полученные контракты	38,4
необходимость неформальных выплат чиновникам	34,0
нет условий для того, чтобы предприниматели платили налоги	27,7
неформальные платежи во время проверок	26,6
выплаты «теневых» зарплат	25,4

Главной задачей данного опроса было выявление реальных масштабов таких наиболее распространённых в малом бизнесе форм теневой экономической деятельности, как:

- 1) уклонение от налогов,
- 2) участие в коррупционных отношениях,
- 3) использование нелегального труда мигрантов.

1. Оценка уклонения от налогов.

Для выявления приблизительных масштабов уклонения акторов бизнеса от налогов возможно два подхода:

- либо прямо попросить респондентов дать оценку масштабов теневых операций в сфере малого и среднего бизнеса (респондент даёт информацию о своем окружении);
- либо анализировать ответы респондентов на вопросы об их личном участии в теневых операциях (респондент даёт информацию о собственном бизнесе).

Если респонденты стремятся отвечать откровенно и являются типичными представителями своей среды, то результаты применения обоих этих подходов должны приблизительно совпадать. Точнее говоря, первый подход должен дать несколько более высокую оценку, чем второй подход, поскольку, даже стремясь отвечать честно, люди склонны лично свои «теневые» действия оценивать благожелательнее (занижать их), чем аналогичные действия окружающих.

На прямой вопрос «Какова Ваша приблизительная оценка объёма незарегистрированных (теневых) операций, совершаемых предпринимателями в сфере малого и среднего предпринимательства?» были получены следующие ответы (табл. 2). Если предположить, что структура оценок респондентов приблизительно соответствует структуре малого бизнеса с точки зрения распространённости теневых операций, то можно дать округлённую оценку доли теневых операций акторами малого бизнеса (как средневзвешенной) в 45%.

Таблица 2

Мнения акторов малого и среднего бизнеса об объёме теневых операций в их среде

Варианты оценок	0–20%	20–40%	40–60%	60–80%	80–100%
% от общего числа респондентов	9,8%	21,9%	39,8%	21,6%	2,5%

Рассмотрим теперь суждения акторов малого и среднего бизнеса об их личном участии в уклонении от налогов. Поскольку респонденты испытывают психологический дискомфорт, сообщая о себе (даже при сохранении анонимности) негативную информацию, формулировки вопросов анкеты выбирались так, чтобы участие респондента в правонарушениях либо выглядело как вынужденная реакция на объективные внешние условия, либо являлось неявным следствием ответа на косвенный вопрос.

На вопрос «Каким образом, при всех сложностях, Вам все же удастся решить проблемы ведения бизнеса?» 35,3% респондентов выбрали вариант ответа «по возможности стараюсь прово-

дить сделки без оформления документов», 57,3% – «максимально использую легальные возможности (прибегаю к диверсификации деятельности: выпуск продукции сочетаю с торговлей; работаю сверх нормативного времени и т. д.)». В таком случае мы имеем еще одну оценку масштабов уклонения от налогов – примерно 35%. Конечно, не все, кто признался в совершении недокументированных сделок, используют их систематически, но и из остальных респондентов многие, используя в основном легальные возможности, изредка прибегают и к нелегальным.

В анкете фигурировал еще один важный вопрос – «Есть люди считающие, что не обязательно платить налоги государству в полном объеме и вовремя. Согласны ли Вы с этим мнением?». Предполагается, что согласные в той или иной степени с этим мнением, будут и на практике уклоняться от налогов. Отрицательно на этот вопрос ответили лишь 35,2% респондентов, положительно – 19,7%; самая большая группа, 45,1%, выбрала промежуточный вариант ответа «к этому принуждает государство». Таким образом, доля тех, кто в той или иной степени не склонен к налоговой лояльности, варьируется примерно от 20% до 65%.

Все три полученные нами оценки дают результаты, не противоречащие друг другу. На их основе можно сделать вывод, что, по данным проведенных авторами опросов, примерный масштаб теневых операций в сфере малого бизнеса можно оценить в 35–45%.

2. Оценка участия в коррупционных отношениях.

Если по поводу уплаты налогов большинство акторов малого бизнеса демонстрируют все же более-менее законопослушное поведение, то по поводу участия в коррупционных отношениях ситуация более тяжелая.

На прямой вопрос о личном опыте респондента «Приходилось ли Вам давать подношения?» ни один не выбрал ответ «нет, не приходилось». Опыт участия в коррупции имеют, видимо, все (либо подавляющее большинство) акторов малого бизнеса. Правда, вариант ответа «приходилось достаточно регулярно» выбрали лишь каждый 6-й респондент (17,3%). Чаще всего (63,4%) респонденты выбирали ответ «иногда приходилось».

Для уточнения частоты участия в коррупционных отношениях респондентам задавали вопрос «Если Вам приходилось давать подношение, то когда это было в последний раз?». Ответы на этот вопрос (табл. 3) позволяют понять, что понимают респонденты под ответом «достаточно регулярно» на предыдущий вопрос. Доля тех, кому приходится регулярно давать подношения (17,3%), оказалась очень близка к доле тех, кто это делал не более месяца назад (14,2%). Можно сделать вывод, что примерно 15% акторов малого бизнеса дают взятки ежемесячно. Если добавить к ним тех, кто дает взятки несколько реже, но не реже чем раз в полгода, то примерную долю акторов малого бизнеса, активно вовлеченных в коррупционные отношения, можно оценить в 35%. Это очень точно совпадает с долей тех, кто старается «по возможности проводить сделки без оформления документов» (35,3%): очевидно, что для регулярной дачи взяток надо регулярно иметь теневые доходы, для чего приходится регулярно заключать нелегальные сделки.

Таблица 3

Ответы акторов малого и среднего бизнеса на вопрос «Если Вам приходилось давать подношение, то когда это было в последний раз?»

Варианты ответов	% от общего числа респондентов
не более 1 месяца назад	14,2%
от 1 месяца до полугода назад	21,6%
от полугода до 1 года назад	22,6%
более 1 года назад	20,6%

Как известно, уже несколько лет тема борьбы с коррупцией регулярно поднимается в выступлениях политических руководителей страны, требующих эту борьбу усиливать. Для оценки результатов официального курса на усиление борьбы с коррупцией респондентам задавали вопрос «Руководство страны ведет официальную борьбу с коррупцией. Видны ли Вам ее результаты?». Результаты опроса (табл. 4) дают основания для очень умеренного оптимизма.

**Ответы акторов малого и среднего бизнеса на вопрос
«Руководство страны ведет официальную борьбу с коррупцией.
Видны ли Вам ее результаты?»**

Варианты ответов	% от общего числа респондентов
да, в стране есть серьезные результаты в борьбе с коррупцией	4,3%
результаты есть, но они не слишком значительны	37,5%
практических результатов нет, все остается как было	47,6%
ситуация становится даже хуже, коррупция только усиливается	9,9%

С одной стороны, доля тех, кто признает хотя бы незначительные положительные результаты (41,8%), в 4 раза превосходит долю тех, кто видит ухудшение ситуации (9,9%). С другой стороны, подавляющее большинство респондентов (47,6%) выбирало ответ, свидетельствующий об отсутствии изменений. В целом следует сделать вывод, что борьба с коррупцией несколько улучшает ситуацию, но незначительно.

3. Оценка использования нелегального труда мигрантов.

Использование труда мигрантов (которым можно платить очень низкую реальную зарплату, в то время как в документах будет отражена «нормальная» оплата несуществующих людей) – один из широко распространенных методов нелегальной «экономии» в современном российском бизнесе. Во время опроса на вопрос о цели использования труда мигрантов почти 2/5 (38,4%) ответили «возможность скрывать реальные объемы бизнеса и экономить на налогах».

Чтобы хотя бы приблизительно оценить масштабы этого явления в малом бизнесе, респондентам задавали прямой вопрос «Допускаете ли Вы возможность использования труда мигрантов без трудового договора?».

На основании полученных ответов акторов малого бизнеса можно разделить на три группы. Самая крупная группа (но менее половины от общего числа – 45,2%) – это те, кто такую возможность отвергают. Почти 1/4 респондентов (22,6%) возможность использования труда мигрантов признают. Наконец, еще 30,0% респондентов выбрали ответ «только в исключительных случаях». Таким образом, по результатам проведенных авторами опросов можно дать примерную оценку масштабу использования нелегального труда мигрантов на уровне не менее 25–30% предприятий малого бизнеса.

Методы противодействия экономической преступности в малом бизнесе. Обобщая данные проведенного авторами опроса, можно дать оценку, что примерно 1/3 акторов малого бизнеса активно вовлечена в различные теневые практики. Такое широкое распространение различных экономических правонарушений делает принципиально невозможной (или, по крайней мере, очень трудно реализуемой) установку на борьбу с теневой экономикой методом «кнута». Организация выявления и доказывания систематических экономических правонарушений в каждой третьей бизнес-единице потребует крайне высоких затрат ресурсов, которыми государственные правоохранительные органы не располагают. Поэтому для качественного сокращения масштабов экономической преступности в малом бизнесе целесообразно делать акцент на методах «пряника».

Действительно, модель Аллингама-Сандмо основана на том, что борьба налоговой полиции с лицами, уклоняющимися от налогов, основана только на угрозе наказания. Но есть и иные подходы, основанные на поощрении честных налогоплательщиков, чтобы заинтересовать их в правдивой подаче деклараций о доходах.

В модели Аллингама-Сандмо предполагалось, что любой налогоплательщик сталкивается в равной степени с вероятностью подвергнуться ревизии, быть разоблаченным и понести наказание. 30 лет назад, в 1982 г., экономисты-криминологи М. Ландсбергер и И. Мейлейджсон (*Landsberger and Meilijson, 1982*) разработали модель, основанную на идее стратификации налогоплательщиков по критерию вероятности проверки их налоговых деклараций. Они предложили систему приписывания налогоплательщиков к определенным рангам, чтобы штрафы за уклонение от налогов зависели от ранговой принадлежности.

Согласно их предложению, все налогоплательщики сначала произвольно делятся на группы, представители которых выборочно подвергаются ревизии с различной степенью контроля. Допустим, что изначально существует две группы, А1 и А2, которые подвергаются ревизии с разной вероятностью выявления нарушений, соответственно p_1 и p_2 , где $p_2 > p_1$. Поскольку группы собраны произвольно и во 2-ой группе контроль более сильный, то во 2-ой группе после выборочной ревизии будет больше граждан, уличенных в уклонении от налогов. Однако если какой-либо налогоплательщик 1-ой группы окажется уличен в обмане, то его наказание, помимо штрафа, будет заключаться в перемещении из группы А1 в группу А2. Соответственно, представитель группы А2, подвергнувшийся ревизии и не уличенный в обмане, «вознаграждается» перемещением в группу А1, которая в меньшей степени подвергается контролю (ревизии). Если же налогоплательщик не подвергался ревизии (поскольку она производится не тотально, а выборочно), то он остается в той группе, к которой был изначально приписан.

Такая система должна по идее весьма значительно повысить налоговые доходы в сравнении с системой всеобщей проверки, где проверяющие с одинаковой строгостью проверяют всех физических и юридических лиц независимо от того, какова их репутация. Превосходство системы зависимости штрафов от ранговой принадлежности считается особенно сильным в случае широко распространенного уклонения от уплаты налогов (что и наблюдается, например, в современной России).

Модель Ландсбергера-Мейлейджсона, стимулирующая честное поведение, обращает основное внимание на то, что для эффективной налоговой политики необходимо, чтобы проверки использовались, прежде всего, как средство сдерживания уклонения, а отнюдь не как средство собирания штрафов. Эта важная идея заставляет критически подойти к существующим в настоящее время методам оценки сотрудников российской «налоговой полиции», чью работу оценивают скорее по сумме собранных штрафов, чем по общей динамике уклонения от налогов.

В то же время следует подчеркнуть, что поскольку криминализация бизнеса в России имеет институциональный характер, то реакция бизнес-акторов на улучшение внешних условий будет не быстрой и неоднозначной. Для доказательства этого тезиса сошлемся на некоторые любопытные результаты анализа ответов респондентов организованного авторами опроса.

На анкетный вопрос «Если бы государство значительно сократило налоговую нагрузку, то как поступили бы предприниматели в сфере малого и среднего бизнеса?» лишь $\frac{1}{4}$ (25,5%) выбрали ответ «полностью отказались бы от теневой деятельности», еще $\frac{2}{5}$ (41,5%) – «существенно сократили бы масштабы теневой деятельности». В то же время $\frac{1}{5}$ (20,3%) ответили, что лишь «несколько сократили теневой оборот», а 11,0% – «что практически ничего не изменили бы в своей деятельности». Можно сделать вывод, что примерно $\frac{1}{3}$ акторов российского малого бизнеса (скорее всего, это те, кто сильнее втянут в теневые экономические практики) слабо реагирует на внешние условия теневой экономической деятельности, в то время как другие $\frac{2}{3}$ – сильно или существенно.

Какова будет реальная эластичность масштабов теневой деятельности в малом бизнесе в зависимости от различных внешних факторов (налогов, бюрократического контроля, коррупционного давления), станет ясно только в процессе изменения этих факторов и мониторинга изменений в деятельности малого бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

Авдийский В.И., Дадалко В.А. (2012). Теневая экономика и экономическая безопасность государства. Учеб. пособие. М.: Альфа-М: ИНФРА-М.

Беккер Г. (2000). Преступление и наказание: экономический подход // *Истоки*, вып. 4, с. 28–90.

Буров В. (Не датировано). Теневая деятельность субъектов малого предпринимательства // *Высшая школа экономики, управления и предпринимательства* (http://vseup.ru/static/files/Монография_Germaniya.doc, дата обращения: 14.08.2014).

Вербицкий А. (2008). Помогите малому бизнесу, и он поможет стране // *Петербургский правовой портал* (<http://ppt.ru/news/53872>, дата обращения: 18.06.2013).

Вишневский В., Веткин А. (2004). Уклонение от налогов и рациональный выбор налогоплательщика // *Вопросы экономики*, № 2, с. 96–108.

- De Soto Э. (1995). Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М.: Catallaxy.
- Иванов П.И. (ред.) (2011). Борьба с налоговой и коррупционной преступностью. Вопросы теории и практики. Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право.
- Кондратьева Е.А. (2013). Теневые процессы, государство и коррупция // *Российское предпринимательство*, № 12 (234), с. 145–155.
- Коуз Р. (2001). Природа фирмы / В кн.: Уильямсон О., Уинтер С. (ред.) Природа фирмы: К 50-летию выхода в свет работы Р. Коуза «Природа фирмы». М.: Дело.
- Майбурова И.А., Киреев И.П., Иванова Ю.Б. (ред.) (2013). Уклонение от уплаты налогов. Проблемы и решения. Монография для магистрантов, обучающихся по программам направления «Финансы и кредит». М.: ЮНИТИ-ДАНА.
- Allingham M. and Sandmo A. (1991). Income Tax Evasion: A Theoretical Analysis / In: Atkinson A.B. (ed.) *Modern Public Finance*, vol. I. Aldershot: Edward Elgar, pp. 50–65.
- Landsberger M. and Meilijson I. (1982). Incentive Generating State Dependent Penalty System: The Case of Income Tax Evasion // *Journal of Public Economics*, vol. 19, pp. 333–352.

REFERENCES

- Avdiyskiy V.I. and Dadalko V.A. (2012). Shadow economy and economic security of the state. Moscow: Alfa-M: INFRA-M. (In Russian.)
- Bekker G. (2000). Crime and Punishment: an economic approach. *Origins [Istoki]*, vol. 4, pp. 28–90. (In Russian.)
- Burov V. (Undated). SMEs' illegal performance. *Higher School of Economics, Management and Entrepreneurship* (http://vseup.ru/static/files/Monografiya_Germaniya.doc, accessed on: 14.08.2014). (In Russian.)
- Coase R. (2001). The Nature of the Firm / In: Williamson O. and Winter S. (eds.) *The Nature of the Firm: To the 50th anniversary of the R. Coase's «The Nature of the Firm»*. Moscow: Delo Publ. (In Russian.)
- De Soto H. (1995). *The Other Path: The Invisible Revolution in the Third World*. Moscow: Catallaxy. (In Russian.)
- Ivanov P.I. (ed.) (2011). Fight against tax crimes and corruption. Theory and practice [Борба с налоговыми и коррупционными преступлениями. Вопросы теории и практики]. Moscow: UNITY-DANA Publ. (In Russian.)
- Kondratieva E.A. (2013). Shadow processes, state and corruption. *The Russian entrepreneurship [Rossiyskoe predprinimatelstvo]*, no. 12 (234), pp. 145–155. (In Russian.)
- Maiburova I.A., Kireenko I.P. and Ivanova Yu.B. (eds.) (2013). Tax evasion. Problems and solutions. Moscow: UNITY-DANA Publ. (In Russian.)
- Verbitskiy A. (2008). Help SMEs, and SMEs will help the country. *Saint-Petersburg law portal* (<http://ppt.ru/news/53872>, accessed on: 18.06.2013). (In Russian.)
- Vishnevskiy V. and Vetkin A. (2004). Tax evasion and taxpayer's rational choice. *Voprosy ekonomiki*, no. 2, pp. 96–108. (In Russian.)
- Allingham M. and Sandmo A. (1991). Income Tax Evasion: A Theoretical Analysis / In: Atkinson A.B. (ed.) *Modern Public Finance*, vol. I. Aldershot: Edward Elgar, pp. 50–65.
- Landsberger M. and Meilijson I. (1982). Incentive Generating State Dependent Penalty System: The Case of Income Tax Evasion. *Journal of Public Economics*, vol. 19, pp. 333–352.